

Наследие Капитана

В столице Урала пройдет международная конференция, посвященная Владиславу Крапивину

Ирина КЛЕПИКОВА

20-21 октября в Екатеринбурге пройдет международная научно-практическая конференция «Владислав Крапивин: философ, писатель, педагог и журналист», приуроченная к 85-летию со дня рождения Почетного гражданина Екатеринбурга, Тюмени и Свердловской области.

В числе организаторов – девять учреждений и ведомств: от крапивинского центра «Каравелла» и именных вузов Урала до правительства Свердловской области и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Конференция пройдет в формате офлайн/онлайн на пяти площадках: Уральский Федеральный университет (здесь участники и гости ждут на факультете журналистики в аудитории 438, которая носит имя В. П. Крапивина), Уральский педагогический университет, центр «Каравелла», музейный клуб «Дом Агафуровых», музей «Литературная жизнь Урала XX века».

Ученые, преподаватели, студенты, сотрудники учреждений культуры, представители общественных организаций, воспитанники крапивинских разновозрастных отрядов проведут разговор о научно-практи-

Счастливы те читатели, кто в свое время получил книгу Владислава Крапивина из рук автора, с его автографом. Такие книги становятся семейной реликвией, передаются из поколения в поколение

ческом наследии В. П. Крапивина, классика детской литературы, в контексте современной ситуации развития российского общества. Планируется обсуждение феномена **В. П. Крапивина** – философа, писателя, журналиста и создателя отряда «Каравелла», обзор его фундаментальных идей и конкретных научно-практических достижений, разговор о перспективах крапивиноведения и дет-

ско-молодежного движения в России.

Заявлены общественно значимые и любопытные в современном контексте темы сообщений и докладов: «Позднесоветский идеализм Крапивина», «Крапивинские мальчишки – концепция «Дети спасут Мир», «Цифровая свобода или рабство? Предчувствия и предсказания Владислава Крапивина как мыслителя», «Главное –

быть Человеком, вот и вся истина», «Спроектированный идеал» и «педагогика дружбы» в крапивинских разновозрастных отрядах», «Педагогическая проза» как явление современного воспитания», «Технология воплощения мечты: реальность и фантастика в системе художественных образов», «Подросток в реальном и виртуальном мире – кто определит наше будущее?».

АЛЕКСЕЙ КУНЦОВ

Дорогами Командора

← Начало на стр. III

Все так близко, так мемориально... Казалось, Командор вот-вот выйдет на сцену – он же бывал в Белинке много раз – и ответит на все вопросы. Нет, отвечать теперь его воспитанникам. Если правильно воспитал, правильно ответят.

Выходили читать любимые крапивинские книги семейные пары, которые создались в «Каравелле». И дети их, конечно же, там, изучают не только сложную науку хождения под парусом, но и сложнейшую науку быть другом, товарищем, не ждать, когда тебя попросят о помощи, а первому протянуть руку.

Вот и сын Владислава Крапивина, **Павел**, встретил свою **Ларису** в «Каравелле». И их дочь **Даша** – в «Каравелле».

Поколение за поколением... Когда читать Крапивина пришла очередь его внучке Даше, она разрыдалась – в приготовленном фрагменте речь была о смерти, и Даша до сих пор не может смириться со смертью деда. А дед ей со страниц своих книг говорит: я жив, я с тобой...

Жена (не поворачивается язык сказать «вдова» – ведь и она о своем муже говорит в настоящем времени) Командора **Ирина Васильевна** вспомнила, как в начале 1960-х Владислав Петрович переживал: почему пионерская организация превратилась во что-то нежизненное? Ходят с галстуками и флагом под барабанный бой, а надо ребятам дело придумать! И Крапивин придумал «Каравеллу». Главная идея была – разновозрастные отряды. Приходит новичок в семью – хочется его научить чему-то, что сам умеешь. Преемственность, поддержка, дружба, а не формальные пионерские дружины. И вот нет уже Командора, а дело его живет.

Все знают, что Владислав Петрович был журналистом, писателем, педагогом... Но он был еще и художником. В 1990-х он сам стал иллюстрировать свои книги. Насколько удачно, судить могли посетители Белинки, где развернули выставку иллюстраций к его книгам, в том числе и авторским. А еще на выставке библиотека представила стихи Крапивина, многие из которых стали песнями. «Синий краб» в завершение вечера пели всем залом.

Андрей КУЛИК

Накануне конференции эксклюзивное интервью «ОГ» дал председатель оргкомитета первый проректор УрФУ, кандидат исторических наук, доцент **Дмитрий БУГРОВ**.

– Дмитрий Витальевич, ваши ожидания от конференции?

– **Владислав Петрович Крапивин** – один из самых статусных выпускников нашего университета. Можно долго перечислять все его регалии. Но не это – критерий. Главное – огромное количество читателей и почитателей, в том числе тех, кто читал Крапивина уже после его ухода. Полагаю: конференция станет звеном в светлой цепи памятных событий в честь Командора. Впрочем, не только памятных. Нынче Владиславу Петровичу было бы 85. Но я убежден: и в его 90-летие, и в 100-летие, когда литературы станет еще больше, его будут читать. Почему? Даже став убежденным сединами ветераном, он сохранял юношеский интерес ко всему. Не «закапсулировался» в 1960-1970-х, а словно развивался вместе со своей читательской аудиторией. И оставался интересен. Получается, он писатель не одной эпохи – разных эпох.

– А ваши личные читательские пристрастия? Книги, герои Крапивина, которые произвели наибольшее впечатление? Быть может, определили если не судьбу, то – мировоззрение?

– У Владислава Петровича, в его огромном таланте имели место два направления: одно, скорее реалистическое, связано с его педагогическими воззрениями (как я ждал очередного номера журнала «Пионер», чтобы прочитать продолжение повести «Мальчик со шпагой»). А второе направление – цикл роматическо-фантазийных произведений, связанных с построением некоего мира. Интересного. Цельного. Вот они-то и произвели на меня неизгладимое впечатление.

До сих пор помню книгу Средне-Уральского книжного издательства «Ночь большого прилива»

и «Вечный жемчуг». Из русскоязычной литературы, современной мне тогда, в 1980-е, я не читал ничего более выдающегося! Это был мощный читательский «взрыв» во мне!

Спустя годы, в середине 1980-х, я поехал в командировку в Красноуфимск, где молодым преподавателем, по зову комсомола, несколько лет руководил студенческими работами на уборке урожая. Тогда в Красноуфимск можно было улететь из аэропорта Уктус на малюсеньком самолете. Я летел заключить договор с совхозом. И взял с собой в дорогу книгу Крапивина. Еще подумал: вряд ли успею прочесть за командировку. Но! Подо мной в безоблачном пространстве проплывали леса, озера, а я, сидя у иллюминатора (!), не отрывался от книги. В Красноуфимске быстро решил все производственные вопросы, и в остаток дня, присев на берегу реки Уфа с красивыми перекатами, я – взрослый человек, преподаватель – продолжал читать взахлеб. Читал и на обратном пути. Сам Красноуфимск – летний, жаркий, его маленький пасторальный аэродром – словно сошли со страниц этой книги... Это была «Голубятня на желтой поляне». Ни до, ни после я так не читал!

– Вы ведь, кажется, знали Владислава Петровича лично?

– Владислав Петрович и мой отец **Виталий Иванович Бугров** вместе учились в УрГУ, дружили с первого курса. Крапивин, дядя Слава, был другом нашей семьи. А читать книгу автора, которого лично знаешь с детства, – испытание, скажу я вам. Невольно сопоставляешь: слова и жизнь. Это же не Дюма или Гюго, Шолохов или Шукшин. Это «дядя Слава». В этом случае ты не можешь абстрагироваться от личности автора. Ты сразу почувствуешь фальшь или натяжку. Но этого не было! Даже в произведениях романтично-фантазийных у меня ни разу не возникло когнитивного диссонанса: «Надо же, как Владислав Петрович нафантазировал!». Любопытно: в свои фантастические произведения он помещал реальных людей – твоих современников, которые волею судьбы оказываются в необычных обстоятельствах. Но это было органично.

Для меня Владислав Крапивин и **Умберто Эко** – однопорядковые авторы (хотя кто-то и поспорит со мной). Их творчество образное и вместе с тем – интеллектуальное. С одной стороны, Крапивин – настоящий шестидесятник. Романтик, эрудит. Но помимо этого у него – мощная и точная образность, мастерское владение словом. При этом он немногословен. Это не Тургенев с разнообразными красками русского языка, которые служат эталоном для школьных диктантов. У Крапивина лаконичный стиль, однако он не менее живописно и убедительно рисует образы, ландшафты. Я и сейчас не понимаю: как это, в несколько взмахов кисти создать знаменитую крапивинскую «эстетику заброшенных пространств»? На такое способен только выдающийся мастер.

В 1980-е я в общей сложности больше года провел в Севастополе: студентами мы выезжали в Крымскую экспедицию, в Херсонес. Я влюбился в этот город! Он для меня как Зурбаган. Не поверите: дома было два словаря – морской и словарь речника. Зачем? Почему меня, никогда не ходившего под парусом, интересовали шпангоуты и морские узлы?.. У Владислава Петровича, проживавшего в Свердловске и Тюмени – городах, страшно удаленных от соленых морей, я увидел такую же любовь к Севастополю. Ветер, рвущий паруса... Соленные брызги волн, набегающих на борт корабля... Крики чаек... Откуда это? Севастополь словно прорастает сквозь строки его произведений. Он – символ прекрасного, вечного. Эту любовь писатель пронес через многие свои произведения. За что ему отдельное спасибо. Здесь мы тоже с ним совпали.

Я много читал Крапивина. Вместе с тем – не так много, как мои сын и дочь. Они прочли почти все из наследия Владислава Петровича. А оно очень большое. И сейчас, когда у нас гостит наша внучка, которая учится в первом классе, я перед сном читаю ей... да-да, Крапивина. Выбрал то, что сам раньше не читал. Так что вместе с ней мы читаем впервые «Чоки-чок», или Рыцарь Прозрачного Кота». И, как вы догадываетесь, книга – из числа тех, что с путешествиями в параллельные миры, с таинственными и прекрасными смыслами.